

Содержание

Часть первая	7
Часть вторая	107
Часть третья.....	219

Часть
ПЕРВАЯ

Одним совершенно обычным вечером Франк с мамой выиграли в лото. Они сидели каждый на своем конце дивана. В телевизоре красивая дама в красивом платье все время улыбалась — наверное, знала, какая она красивая и какое у нее красивое платье.

Франк листал журнал.

Вдруг он услышал, как мама резко и глубоко вдохнула, будто собралась нырнуть.

— Франк, — прошептала она.

Он поднял взгляд от журнала. Мама смотрела на свой билет. И руки у нее покрывались мурашками. Прямо на глазах.

— Франк, — прошептала она опять. И прижала ладонь ко рту.

На синем экране телевизора появилось самое большое число, какое Франк видел в жизни.

Франк с мамой выиграли со следующей комбинацией:

2 — потому что Франк с мамой живут вдвоем,

4 — по количеству букв в слове «мама»,

5 — по количеству букв в имени Франк,

7 — дней в неделю, которые они проводят вместе,

8 — потому что восьмерка похожа на снеговика, которого Франк лепил в тот день, когда они с мамой придумали эту комбинацию,

11 — две зубные щетки в стакане в ванной,

18 — снеговик, которому дали метлу.

Это слишком простая комбинация. Она никогда не выпадет, сказала мама, после того как они ее записали. И вот она выпала. «Никогда» наступило.

Мама заставила Франка всё проверить. Дважды. А потом у нее зазвонил мобильник. Франк услышал, что голос в трубке женский. Но что говорят, было не разобрать — только мамины ответы.

— Это слишком много, — сказала мама.

А потом:

— Я ни разу не выигрывала больше восьмидесяти девяти крон.

И потом:

— Но ведь это неправильно — выиграть столько денег, ни капли для этого не потрудившись. Можно мы возьмем половину?

— Мама, — сказал Франк. Он вскочил и яростно затряс головой.

— Чш-ш! — шикнула она. — У меня тут лото на линии!

Странное выражение — «на линии», подумал Франк. Должно быть, это потому, что раньше телефоны были соединены проводами и эти провода назывались телефонными линиями. Проводов больше нет, а выражение осталось.

— Лишь бы это нам голову не вскружило, — сказала мама.

Закончив разговор, мама пошла в туалет. Вскоре оттуда донесся громкий и довольно неприятный хохот. Возможно, она смеялась над дешевой туалетной бумагой.

Франк выглянул из окна гостиной. Все было как всегда. На земле трава, на траве дома́, на домах трава. Овцы там и сям. На фьорде волны, на волнах лодки. Ярко освещенный магазин. И, конечно, школа — вечным напоминанием о домашней работе. Но сейчас, пока мама хохотала в туалете, Франк заметил и кое-что другое. Бассейн с голубой водой внизу у моря. Горнолыжную трассу на склоне, с красными и синими флажками. И теннисный корт с красным покрытием, обнесенный забором. И еще парк аттракционов с каруселями.

Когда мама вернулась из туалета, лицо у нее пылало, а волосы торчали во все стороны, словно она только что отмахивалась от комаров.

— Теперь мы можем купить все, что захотим, — произнесла она дрожащим голосом. — Дом с огромной верандой. Новую машину и для нее гараж. Домик в горах.

— У меня другие пожелания, — сказал Франк.

Франк с мамой решили отпраздновать в кафе. Лето было холодное, ветренное и дождливое.

— Перестань так улыбаться, — сказала мама.

Но сама не могла удержаться от улыбки.

За соседним столиком сидели трое подростков в куртках. В кафе было прохладно, и многие так и оставались в верхней одежде.

— А что, если мы знакомы с победительницей? — спросила девушка с металлическим прыщиком на носу.

— Да она, скорее всего, не из нашего поселка. Просто сдала здесь выигранный билет, — отозвался один из парнишек.

— Наверняка это старая клюшка, которой ничего не нужно, — добавил третий. — Купит себе новые тапочки, а остальное отдаст своим детям, которые живут где-нибудь далеко.

Мама, сидевшая к ним спиной, хитро улыбалась, изучая меню.

— Подумать только — двадцать четыре миллиона! — вздохнула девушка.

Подростки говорили громко — должно быть, из-за того, что не сняли куртки. Они ведь привыкли, что на улице говорить нужно громко, вот и в помещении не понижали голоса, раз куртки на них.

Франк с мамой заказали то же, что и всегда.

— Давай с двойным сыром? — попросил Франк.

— С двойным сыром, — сказала мама официанту очень тихо, словно боясь выдать всем, что они разбогатели.

— Я читал про одного иностранного футболиста, — сказал Франк, пока они ждали заказ. — Он никогда не стирает трусы. Надевает один раз, а потом выкидывает.

— Мне что-то не по себе, — ответила мама.

У Франка десять или двенадцать пар трусов. И когда почти все они после стирки сушатся на веревке, кажется, что в доме полно мальчишек.

Официант принес еду и напитки. Повертев в руках стакан, мама заметила вполголоса:

— Могли бы и заменить стаканы. Смотри, какие затертые. Царапина на царапине.

За едой Франк с мамой слушали подростков. Один сказал:

— Я как-то читал про одного мусорщика из Англии. Он выиграл в лото сумасшедшие деньги, не меньше ста миллионов. И все спустил — на тачки, женщин и частные самолеты. А когда потратил весь выигрыш, обратно в мусорщики его не взяли. Работает теперь на кондитерской фабрике.

Остальные засмеялись.

Франк с мамой ели молча. Подростки болтали о том, как люди транжирят деньги, и складка на лбу у мамы постепенно становилась глубже. Франк улетал пиццу с двойным сыром. Его половина была с ананасом. Кусочки ананаса напоминали короткие и толстые солнечные лучики — он рисовал такие в углу рисунка, когда учился в первом классе.

Мама и Франк не смогли доесть все. Мама спросила подростков, не хотят ли они помочь. Те явно обрадовались.

— Спасибо большое, — сказала девушка с металлическим прыщиком.

Мама полезла за кошельком, чтобы оставить на чай. Пришлось выбирать между пятидесятикровой купюрой и монеткой в пять крон. Она оставила пятерку.

— Наверное, это в последний раз, — заметила она.

— Что в последний раз? — уточнил Франк.

— Когда я могу так мало оставить на чай.

В машине по дороге домой мама сказала:

— Думаю, мы должны жить как раньше.

Франк посмотрел на нее.

— Как раньше?

— Да. Не будем транжирить.

— Как так — не будем?

— Нам не нужен большой дом. И новая машина не нужна. Нам не нужны дорогие часы и украшения.

Звучит как какая-нибудь из десяти заповедей, подумал Франк. Или как их продолжение.

— Но у нас двадцать четыре миллиона! — запротестовал он.

Мама крепче сжала руль. Сложно вести диалог с человеком, у которого кулаки сжаты.

— Не обязательно никому говорить. Это будет наш секрет. Твоя доля будет лежать в банке, пока тебе не исполнится восемнадцать.

— Восемнадцать! — воскликнул Франк. С таким же успехом деньги могли ждать его на другой планете.

— Сначала ты должен закончить школу. Я не хочу тебя избаловать.

— Это еще почему? — спросил Франк.

Бабушки и дедушки его одноклассников очень даже их баловали — так, что дальше некуда. А у Франка бабушка с дедушкой жили так далеко, что дальше некуда.

— И я буду работать. Не хочу сидеть дома и весь день ходить в халате.

— Ты же полы моешь, — удивился Франк.

— А еще столы, стулья и лестницу, — ответила мама. — И разговариваю с людьми!

Войдя в дом, Франк сразу скинул обувь. Один ботинок полетел прямо в стену и стукнулся немного слишком сильно, как будто разозлился. И заразил Франка своей злостью. Он пошел к себе в комнату, с грохотом захлопнул дверь и бросился на кровать.

— Между прочим, ты счастливчик: у тебя есть своя комната, где можно запереться! — крикнула мама из коридора. — У многих и этого нет. Подумай о тех, кто в Азии!

Но Франк не хотел думать о тех, кто в Азии.

Он взял в руки комикс, но читать тоже не хотелось. Тогда он принялся очень быстро его листать, и шелест страниц — шорх, шорх! — напоминал свист, с которым горные лыжи рассекают снег на поворотах. Он отложил журнал и стал дуться, будто решил заполнить собой всю комнату.

За завтраком Франк положил на бутерброд лишний ломтик колбасы. Откусывая первый кусок, он стянул этот ломтик с хлеба и тут же положил взамен еще один.

— Куда так много колбасы? — сказала мама, не оборачиваясь.

— Двадцать четыре миллиона, — ответил Франк.

— И все-таки: один кусок хлеба — один кусок колбасы, как и раньше.

Мама села напротив него с бутербродом и чашкой кофе и посмотрела в окно. Там все было как обычно. По небу вперемишку плыли темные и светлые облака. Похоже, собирался дождь.

Франк посмотрел на бутерброд, который мама поднесла ко рту.

— Майонез! — заметил он. — Ты положила больше майонеза.

Мама, не переставая жевать, помотала головой. На губах у нее был майонез. И на кончиках пальцев. Обычно она выдавливала майонез тонкой ниточкой. А сегодня выдавила толстой полоской, похожей на провод от лампы.

— Не больше, чем раньше, — сказала мама. — Просто раньше я его укладывала завитками, а сейчас — прямыми линиями, видишь? Так что на самом деле его даже меньше.

После завтрака Франк пошел в школу — коричневое здание в центре поселка. Тот, кто выбирал цвет, наверное, хотел, чтобы школа напоминала детям шоколадный торт. На самом деле она больше напоминала корову — а точнее, коровью лепешку.

В луже около школы стоял мальчик по имени Пол. Если кто-то оказывался достаточно близко, он подпрыгивал и окатывал его грязью. Так что Франк и остальные обходили Пола подальше, чтобы избежать печальной участи. Какая же глупость — стоять

в луже и обрызгивать окружающих, ведь при этом непременно обрызгаешься сам.

— Рита-небрита! — орал Пол. — Нура-дура! Петер-крекер! Франк-попал-под-танк! Лиза-подлиза!

— Ты как ребенок! — сказала ему Вибекке. — Когда ты вырастешь — если вырастешь, конечно, — то станешь лузером, который торчит под фонарем и орет оскорбления людям вслед.

— Вибекке-полкалеки! — выкрикнул в ответ Пол.

— Пол-балабол! — отозвалась Вибекке.

Но это было слабовато — Пол явно не обиделся.

Когда лужа опустела, он пошел в школу.

Первым уроком было обществознание, но говорили только о баснословном выигрыше в лото.

— Если кто-то тут выиграл двадцать четыре миллиона, пусть поднимет руку, — сказала учительница.

Франку захотелось поднять один палец, то есть вроде как не всю руку, а так, немножко. Но он не стал.

— Выигрывает всегда кто-то другой, — вздохнула учительница, однако учебник не открыла. Значит, можно еще немного поболтать.

— Если бы выигрыш достался вам, на что бы вы потратили деньги?

Все принялись мечтать.

— На экскаватор, — сказал Оскар, не поднимая руки.